

УДК 004.8:008

DOI: 10.34670/AR.2026.25.53.012

Искусственный интеллект как феномен культуры: ценностные характеристики, дискурсивные стратегии и акторы формирования

Анциферова Татьяна Николаевна

Кандидат социологических наук,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, пр. Свободный, 79;
e-mail: gurnovich@mail.ru

Аннотация

Искусственный интеллект в статье рассматривается как особый феномен культуры, объединяющий ценности, нормы, дискурсивные стратегии и повседневные практики. Опираясь на методологию культурологического анализа, автор утверждает, что ИИ превратился в полноценное культурное явление, активно включенное в процессы символического производства. Под его воздействием трансформируются устоявшиеся представления об авторстве, подлинности и механизмах культурной памяти. Отдельное внимание уделено двойственной роли ИИ в цифровой среде: он не просто транслирует и модифицирует готовые смыслы, но и служит инструментом их повседневного производства. В работе выделены ключевые ценностные характеристики, определяющие место ИИ в современной культуре, и выявлены основные акторы, участвующие в формировании этих культурных оснований. Автор приходит к выводу, что алгоритмические системы сегодня выступают не столько техническим средством, сколько активным участником смыслообразования, формирующим иерархии значимого и допустимого в цифровом пространстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Анциферова Т.Н. Искусственный интеллект как феномен культуры: ценностные характеристики, дискурсивные стратегии и акторы формирования // Педагогический журнал. 2026. Т. 16. № 5А. С. 94-101. DOI: 10.34670/AR.2026.25.53.012

Ключевые слова

Искусственный интеллект, цифровая культура, символическое производство, культурная память, авторство, подлинность, ценности, нормы, акторы культуры.

Введение

Актуальность исследования обусловлена фундаментальной трансформацией культуры под воздействием искусственного интеллекта (далее – ИИ). Технология проникает в сферы, ранее считавшиеся неотъемлемой и исключительной прерогативой человека: художественное творчество, интеллектуальная аналитика, сохранение и интерпретация культурного наследия. В отличие от предшествующих технологических революций, где техника оставалась средством или инструментом в руках человека, современный ИИ выступает активным и полноправным участником культурного производства. Он не просто обрабатывает информацию, но отбирает, генерирует и легитимирует смыслы, непосредственно влияя на коллективные представления и ценностные ориентации общества. Впервые в истории субъектом культурного творчества становится не только человек, но и машина, что ставит перед гуманитарными науками принципиально новые исследовательские задачи.

Основная часть

В цифровой среде ценностные функции культуры приобретают новые формы, тесно связанные с алгоритмической организацией культурного опыта. Цифровые платформы, рекомендательные системы, интерфейсы и нейросетевые модели сами становятся активными участниками производства смыслов, задавая иерархии значимого, допустимого и престижного. Эти иерархии уже не являются продуктом исключительно человеческого решения или сложившейся традиции – они опосредованы машинной логикой, которая несёт в себе ценностные импликации своих создателей и обучающих выборок.

Алгоритмическая организация культурного опыта происходит незаметно для большинства пользователей, которые воспринимают рекомендации и результаты поиска как естественные и объективные, не задумываясь о заложенных в эти системы ценностных установках.

Проблема исследования заключается в том, что в современном академическом и публичном дискурсе по-прежнему доминирует технократический подход к ИИ, игнорирующий его глубинные культурные трансформации. Инженерный взгляд рассматривает алгоритмы как инструменты решения прикладных задач, оставляя за скобками вопросы о том, как эти алгоритмы переопределяют. Преодоление технократического редукционизма требует культурологического анализа ценностных характеристик ИИ, выявления дискурсивных стратегий, сопровождающих его внедрение, и определения акторов, формирующих эти стратегии.

Культурологический подход позволяет увидеть в ИИ сложный социально-культурный феномен, одновременно являющийся продуктом культуры и активным фактором её дальнейшего развития. Цель настоящей работы – выявление ценностных характеристик ИИ, анализ дискурсивных стратегий, легитимирующих его присутствие в культуре, и определение ключевых акторов, формирующих нормативное поле его функционирования.

В теоретических воззрениях некоторых философов техника предстаёт не как совокупность артефактов, а как сила, фундаментально формирующая ценностный мир человека. М. Хайдеггер утверждал, что техника – это не просто средство достижения цели, а «способ раскрытия потаённого», особый модус отношения человека к миру, который в конечном счёте конституирует самого человека [Хайдеггер, 1993, с. 222]. Технология никогда не бывает нейтральной: она содержит понимание бытия, представление о месте человека в нём и

предлагает соответствующую практику освоения действительности. Хайдеггеровская критика техники как способа мышления, сводящего мир к ресурсу, созвучна сегодняшним дискуссиям об ИИ, где алгоритмы воспринимаются как носители мировоззренческих установок.

Эту линию философской рефлексии применительно к цифровой эпохе развивает Л. Манович. Он доказывает, что алгоритмы никогда не являются нейтральными вычислительными процедурами: они воплощают культурные допущения, ценностные предпочтения и мировоззренческие установки, даже если их создатели этого не осознают. Манович утверждает: «Когда мы используем алгоритмы для анализа культуры, мы не просто применяем инструмент – мы импортируем целую систему ценностей» [Manovich, 2020, с. 189]. Этот тезис смещает фокус с вопроса «что делают алгоритмы» на вопрос «какие ценности они несут». Исследователь предлагает рассматривать алгоритмические платформы как «культурные интерфейсы» – посредников, которые не пассивно отражают реальность, а активно конструируют её, задавая режимы видимости и исключения.

К. Кроуфорд рассматривает ИИ как систему перераспределения власти, маскирующуюся под нейтральный технологический прогресс. По её мнению, ИИ – это реестр власти. Каждый этап его развития – от добычи данных до разметки, от обучения модели до внедрения – включает политические и культурные решения, не являющиеся ни технически необходимыми, ни ценностно нейтральными [Crawford, 2021, с. 54]. Этот подход позволяет увидеть в ИИ культурный феномен, порожаемый ценностными системами и одновременно воспроизводящий их.

В отечественных исследованиях эти вопросы также осмысливаются. О.В. Шлыкова подчёркивает, что алгоритмические системы берут на себя функции отбора, интерпретации и оценки культурных явлений: «культурные последствия ИИ не могут быть поняты вне анализа того, как технология переопределяет, что такое творчество, знание и культурная ценность» [Шлыкова, 2021, с. 87]. Е.Н. Струкова фиксирует формирование новой нормы, при которой ценность культурного продукта измеряется его видимостью в цифровых средах, а не содержательными характеристиками [Струкова, 2021, с. 49]. Это наблюдение фиксирует сдвиг в понимании культурной ценности: из качественной категории она превращается в количественную, из содержательной – в технологически опосредованную.

Таким образом, теоретическая оптика должна смещаться с инженерной на культурологическую. Искусственный интеллект предстаёт не как пассивный инструмент, а как активный участник символического производства – процесса создания, закрепления и трансляции смыслов, регулирующих жизнь общества. Именно эта оптика позволяет рассматривать ИИ как феномен культуры, обладающий собственными ценностными и нормативными характеристиками, и открывает новые перспективы для гуманитарных наук.

Традиционное рассмотрение ИИ как сугубо технического средства упускает его культурную природу. Однако, достигнув определённого уровня распространения, ИИ превратился в полноценное культурное явление, проявляющееся в трёх фундаментальных измерениях.

Первое – коммуникативное. Голосовые ассистенты, чат-боты, рекомендательные системы становятся посредниками в повседневных культурных практиках. Пользователь, обращаясь к алгоритму за советом, вступает в коммуникацию, результат которой определён не столько его вкусом, сколько архитектурой алгоритма и данными, на которых он обучен. Коммуникация с ИИ асимметрична: пользователь не имеет доступа к внутренней логике принятия решений. Эта асимметрия составляет суть нового культурного опыта. Пользователи склонны антропоморфизировать алгоритмы, приписывать им намерения и вкусы. Этот «эффект Элизы»

имеет глубокие культурные последствия: воспринимая алгоритм как собеседника, человек меняет собственное поведение и ожидания.

Второе измерение – репрезентационное. Визуальные образы и тексты, создаваемые генеративными моделями, пополняют культурный багаж эпохи. Эти артефакты циркулируют в медиасреде наравне с человеческими произведениями, формируют визуальный язык, задают эстетические тренды и ставят под сомнение границу между человеческим и машинным творчеством. Категория авторства, центральная для новоевропейской культуры, оказывается в зоне неопределённости. Генеративные модели создают изображения, неотличимые от работ человека, что ставит под вопрос понятие творческого акта: если машина создаёт произведения, вызывающие эстетический отклик, то что является специфически человеческим в творчестве? Ответ требует пересмотра не только юридических норм, но и культурных оснований.

Третье измерение – институциональное. Музеи, библиотеки, архивы внедряют ИИ для оцифровки, каталогизации и интерпретации наследия. Лувр использует ИИ для прогнозирования посещаемости, Эрмитаж – для реставрации, Библиотека Конгресса США – для автоматизированной каталогизации. Эти практики меняют логику культурной памяти: решение о том, что достойно сохранения и экспонирования, принимается при участии алгоритмов. ИИ становится частью институциональной ткани культуры, влияя на то, какое наследие будет передано будущим поколениям. Это не просто техническое усовершенствование – это перераспределение культурной власти.

Превратившись в культурное явление, ИИ обрёл ценностные характеристики, редко проговариваемые прямо, но определяющие логику технологических и культурных решений. Выделим несколько таких характеристик.

Первая – презумпция алгоритмической объективности. В публичной риторике алгоритмические решения воспринимаются как более объективные, чем человеческие, свободные от предубеждений и субъективных искажений. Это допущение – наследник позитивистской веры в научную беспристрастность. Однако, по утверждению К. Кроуфорд, данные, на которых обучаются модели, – «это не сырая реальность, а продукт исторически сложившихся социальных и культурных отношений, со всеми их иерархиями и исключениями» [Crawford, 2021, с. 124]. Алгоритм, обученный на смещённых данных, будет воспроизводить и усиливать эти смещения, но его решения будут восприниматься как нейтральные. В этом расхождении между восприятием и реальностью кроется серьёзная культурная проблема.

Вторая характеристика – квантификация культурной ценности. Количество просмотров, лайков, репостов, время взаимодействия с контентом всё чаще становятся главными индикаторами качества. Если раньше количественные показатели были лишь одним из критериев, то теперь они определяют судьбу произведения в цифровой экосистеме. Как отмечает Е.Н. Струкова, формируется норма, при которой «ценность культурного продукта измеряется его видимостью в цифровых средах, а не содержательными характеристиками» [Струкова, 2021, с. 49]. Культурные проекты, ориентированные на глубину, но не дающие высоких цифровых показателей, рискуют оказаться невидимыми для алгоритмов и аудитории. В традиционной культуре ценность определялась качественными критериями: мастерство, глубина, оригинальность, историческое значение. Сегодня эти критерии уступают место количественным показателям, что изменяет само представление о культурной ценности.

Третья характеристика – технологический оптимизм – вера в то, что прогресс по определению благотворен для культуры. Л. Манович называет это «формой ослепления», которая «подменяет сложный вопрос "что мы хотим сохранить и почему?" простым ответом

"мы можем оцифровать и проанализировать всё"» [Manovich, 2020, с. 273]. Технооптимизм снимает с повестки вопрос о ценностном выборе: если технология может что-то сделать, это воспринимается как достаточное основание для действия без обсуждения культурных последствий.

Эти ценностные характеристики транслируются и закрепляются через дискурсивные стратегии – устойчивые способы говорения об ИИ, формирующие общественное восприятие. С. Уммунни определяет их как «совокупность нарративов, образов и практик, которые нормализуют присутствие алгоритмов в культурной жизни и приписывают им особый эпистемический статус» [Ummunni, 2023, с. 31].

Дискурсивные стратегии выполняют двойную функцию: описывают существующие практики и активно формируют их, задавая нормы и ожидания. К ключевым риторическим приёмам относятся следующие.

Во-первых, метафора «помощника» или «ассистента», маскирующая активную формирующую роль ИИ и представляющая его как дружелюбного слугу. Эта метафора скрывает реальную асимметрию власти: алгоритм направляет, ограничивает и структурирует выбор пользователя.

Во-вторых, риторика неизбежности: нарратив о том, что «тот, кто не использует ИИ, останется позади», создаёт атмосферу безальтернативности, снимая вопросы о ценностном выборе. Эта риторика имеет исторические параллели с дискурсами индустриализации XIX века.

В-третьих, дискурс демократизации творчества, когда платформы рекламируются как инструменты, дающие каждому стать творцом. Этот дискурс апеллирует к ценностям равенства и открытости. Однако, как показали исследователи из Стэнфорда, «за риторикой демократизации стоит концентрация власти в руках нескольких крупных компаний, владеющих вычислительной инфраструктурой и обучающими данными» [Karania и др., 2023, с. 8]. Дискурс демократизации оказывается идеологическим прикрытием для монополизации культурного производства.

Ценностные характеристики и дискурсивные стратегии проявляются в конкретных культурных практиках, трансформируя их содержание. Три области, где эта трансформация особенно отчётлива, – авторство, подлинность и культурная память.

Категория авторства, центральная для новоевропейской культуры, переживает кризис. Когда генеративная модель создаёт текст или изображение, неотличимое от человеческого, возникает вопрос: кто автор – разработчик, пользователь или нейросеть? Этот вопрос имеет не только правовое, но и культурное измерение. Романтическая фигура автора-творца уступает место представлению о творчестве как о коллаборации человека и машины. ИИ становится соавтором, меняющим процесс создания смыслов и критерии их оценки.

Представление о подлинности также пересматривается. Традиционно подлинность связывалась с уникальностью, происхождением, «аурой» (по В. Беньямину). В цифровой среде, где ИИ создаёт бесконечные вариации, различие оригинала и копии теряет смысл. Когда музей использует ИИ для реставрации, восстановленный алгоритмом фрагмент – это часть артефакта или его симуляция?

Наконец, механизмы культурной памяти трансформируются под воздействием алгоритмической селекции. Н. Тюлstrup показывает, что алгоритмическая каталогизация – это не нейтральный процесс, а форма власти, определяющая, какие артефакты станут доступны будущим поколениям [Thylstrup, 2018]. Культурная память всегда была избирательной, но отбор осуществлялся людьми на основе профессиональных критериев. Сегодня алгоритмы

принимают участие в этом отборе, и их критерии не всегда совпадают с человеческими. Алгоритмы оптимизированы для эффективности, а не для сохранения культурного разнообразия, поэтому некоторые артефакты могут быть забыты не потому, что они не ценны, а потому, что не соответствуют алгоритмическим критериям релевантности.

Культурные основания ИИ – ценности, нормы, дискурсы – не возникают самопроизвольно. Они формируются усилиями конкретных акторов.

Технологические корпорации – самый влиятельный актор. Google, OpenAI, Microsoft, Yandex не просто разрабатывают технологии, но участвуют в производстве смыслов, определяя нарративы об ИИ. Высказывание CEO Google С. Пичаи о том, что ИИ «фундаментальнее электричества и огня» [Pichai, 2018] – яркий пример дискурсивного действия. Корпорации обладают огромными ресурсами для продвижения своих нарративов. Они определяют, какие исследования получают финансирование, какие этические нормы будут внедрены, какие данные собраны. Корпорации формируют не только общественное мнение, но и материальную базу ИИ.

Культурные институты – музеи, библиотеки, архивы, университеты – второй важнейший актор. Внедряя ИИ, они легитимируют технологию, придавая ей статус элемента культурной инфраструктуры. Институциональное принятие ИИ служит сигналом, что технология – не временный тренд, а часть современной культуры. Культурные институты – хранители наследия, обладающие символическим капиталом. Их решение использовать ИИ имеет значение для всей культурной сферы.

Государство также выступает значимым актором. Через грантовую политику, программы цифровизации, нормативные документы оно создаёт стимулы для внедрения ИИ. Федеральный проект «Цифровая культура», рекомендации ЮНЕСКО, Европейский AI Act – эти документы одновременно регулируют и нормализуют присутствие ИИ в культуре. Наконец, профессиональные сообщества – художники, кураторы, исследователи – формируют практическую рамку взаимодействия с ИИ. Их эксперименты, рефлексивные тексты, выставочные проекты создают культурный материал, из которого кристаллизуются нормы и ценности. В пространстве эксперимента рождаются альтернативные сценарии использования ИИ. Все эти акторы действуют в сложном взаимодействии, порождая совокупность ценностей, норм, дискурсов и практик, которую можно назвать культурой искусственного интеллекта.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать выводы. Искусственный интеллект перестаёт быть исключительно технологическим феноменом и превращается в культурное явление с собственными ценностными и нормативными характеристиками. ИИ активно включён в символическое производство: он не обслуживает культуру как пассивный инструмент, а формирует её, влияя на представления об авторстве, подлинности и культурной памяти. Ключевые ценностные характеристики – презумпция алгоритмической объективности, квантификация культурной ценности и технологический оптимизм – транслируются через дискурсивные стратегии и деятельность основных акторов: корпораций, культурных институтов, государства и профессиональных сообществ. Двойственная роль ИИ – как транслятора смыслов и инструмента их производства – делает его центральным фактором, определяющим облик современной культуры и направленность её развития.

Библиография

1. Струкова Е.Н. Цифровая среда как фактор формирования новых культурных норм // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3. – С. 135–141.
2. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 221–238.
3. Шлыкова О.В. Культурные последствия искусственного интеллекта: переопределение творчества, знания и культурной ценности // Культура и технологии. – 2021. – № 2. – С. 85–98.
4. Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. – New Haven: Yale University Press, 2021. – 327 p.
5. Kapania S., Taylor A.S., Wang D. Big Tech, Concentrated Power, and the Political Economy of Open AI // SSRN Scholarly Paper. – Rochester, NY: Social Science Research Network, 2023.
6. Manovich L. Cultural Analytics. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2020. – 336 p.
7. Pichai S. Google I/O 2018 Keynote. – 2018. – URL: <https://blog.google/technology/ai/io-2018-keynote-whats-new-google/>.
8. Thylstrup N.B. The Politics of Mass Digitization. – Cambridge, MA: MIT Press, 2018. – 216 p.
9. Ummuny S. The Cultural Life of AI // Research Methods in Digital Humanities. – 2023. – P. 31–45.

Artificial Intelligence as a Phenomenon of Culture: Value Characteristics, Discursive Strategies, and Actors of Formation

Tat'yana N. Antsiferova

PhD in Sociology,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: gurynovich@mail.ru

Abstract

Artificial intelligence is considered in the article as a special phenomenon of culture, uniting values, norms, discursive strategies, and everyday practices. Relying on the methodology of culturological analysis, the author asserts that AI has turned into a full-fledged cultural phenomenon, actively included in the processes of symbolic production. Under its influence, established notions of authorship, authenticity, and mechanisms of cultural memory are being transformed. Special attention is paid to the dual role of AI in the digital environment: it not only transmits and modifies ready-made meanings but also serves as an instrument of their everyday production. The paper highlights the key value characteristics that determine the place of AI in modern culture and identifies the main actors involved in the formation of these cultural foundations. The author comes to the conclusion that algorithmic systems today act not so much as a technical means, but as an active participant in meaning-making, forming hierarchies of the significant and the permissible in the digital space.

For citation

Antsiferova T.N. (2026) *Iskusstvennyy intellekt kak fenomen kul'tury: tsennostnye kharakteristiki, diskursivnye strategii i aktory formirovaniya* [Artificial Intelligence as a Phenomenon of Culture: Value Characteristics, Discursive Strategies, and Actors of Formation]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 16 (5A), pp. 94-101. DOI: 10.34670/AR.2026.25.53.012

Keywords

Artificial intelligence, digital culture, symbolic production, cultural memory, authorship, authenticity, values, norms, actors of culture.

References

1. Crawford, K. (2021). *Atlas of AI: Power, politics, and the planetary costs of artificial intelligence*. Yale University Press.
2. Kapania, S., Taylor, A.S., & Wang, D. (2023). Big Tech, concentrated power, and the political economy of Open AI. *SSRN Scholarly Paper*. Social Science Research Network.
3. Khaidegger, M. (1993). Vopros o tekhnike [The question concerning technology]. In *Vremya i bytiye: Stati i vystupleniya* (pp. 221–238). Respublika.
4. Manovich, L. (2020). *Cultural analytics*. The MIT Press.
5. Pichai, S. (2018). *Google I/O 2018 keynote*. Retrieved from <https://blog.google/technology/ai/io-2018-keynote-whats-new-google/>
6. Shlykova, O.V. (2021). Kultumyye posledstviya iskusstvennogo intellekta: pereopredeleniye tvorchestva, znaniya i kulturnoy tsennosti [Cultural consequences of artificial intelligence: Redefining creativity, knowledge and cultural value]. *Kultura i tekhnologii*, (2), 85–98.
7. Strukova, E.N. (2021). Tsifrovaya sreda kak faktor formirovaniya novykh kulturnykh norm [Digital environment as a factor in the formation of new cultural norms]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, (3), 135–141.
8. Thylstrup, N.B. (2018). *The politics of mass digitization*. MIT Press.
9. Ummuny, S. (2023). The cultural life of AI. *Research Methods in Digital Humanities*, 31–45.